

УДК 316.4

**РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ
В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ОСОБЕННОСТИ
СОЦИАЛИЗАЦИИ
И ФОРМИРОВАНИЯ
ТРУДОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

Гнатюк Максим Александрович

Соискатель Адыгейского
государственного университета, г. Майкоп
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

В статье автор изучает проблему прагматизации и инструментализации трудовых ценностей российской молодежи с позиций влияния на этот процесс глобализации, оказывающей значительное влияние на социализацию молодого поколения и разрушение традиционной этики труда и трудовых отношений в России.

Ключевые слова: молодежь, ценности молодежи, глобализация, социализация, трудовые ценности, труд, массовое общество.

**RUSSIAN YOUTH
IN THE CONDITIONS
OF GLOBALIZATION:
THE FEATURES
OF SOCIALIZATION
AND FORMATION
OF LABOR VALUES**

Gnatyuk Maksim A.

Applicant
Adygei State University, Maikop,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

The article examines the problem of pragmatization and instrumentalisation of labor values of the Russian youth from the point of globalization influence on this process that produced a significant influence on the socialization of the young generation and the destruction of traditional ethics of labor and labor relations in Russia.

Keywords: young people, the values of young people, globalization, socialization, labor values, work, mass society.

В сложившейся современной реальности, в том числе в российской, внимание к молодежи и ее социальной роли значительно актуализировалось и активизировалось. Особенно внимание привлекают вопросы ценностного состояния молодежи, формирования ценностных приоритетов, и в этом ключе исследователи совершенно справедливо указывают на специфику современной ситуации, которая проявляется

в эффекте временного дисхроноза, когда в одном социальном пространстве сосуществуют люди, живущие в разных темпомирах [1], и особенно характерно это для представителей разных поколений.

Скорость социальных преобразований и социальной мобильности формирует потребность в реализации жизненных стратегий, соответствующих условиям новой социальной реальности динамично меняющегося и полного неопределенности типа. В этих условиях важное значение приобретают самоорганизация и самодисциплина индивида, его способность вырабатывать индивидуальные стратегии и нести за них индивидуальную ответственность. Знание того, каким образом сегодня происходит становление мотивационных, ценностных и поведенческих аттитюдов, позволит судить о том, какое значение современная молодежь придает жизненно важным ценностям, в том числе в сфере труда, и прогнозировать социальные последствия изменений в трудовых ценностях молодежи.

Для этого необходимо обратиться к проблеме социализации молодежи, в рамках которой происходит становление ценностного мира молодежи. Необходимо отметить, что в современной науке сложилось множество подходов к социализации, множество моделей социализации. Так, в рамках социального конструктивизма П. Бергером и Т. Лукманом предложена двухступенчатая модель социализации, основанная на различении первичной и вторичной социализации [2]. В процессе первичной социализации, которую можно определить как до-трудовую, индивид усваивает необходимый минимум социальных ценностей и норм, в то время как в процессе вторичной социализации, связанной с вхождением индивида в профессиональную среду, – соответствующие профессиональные ценности, нормы, знания, которые позволяют ему занять определенное место в обществе, получить тот или иной статус.

Соответственно, на первой стадии социализации высока роль базовых агентов социализации, но в современном российском обществе, как отмечает Л.В. Тарасенко, социализация приобретает специфические черты, связанные с тем, что ребенок становится объектом не столько семейного воспитания, сколько разноплановых социализирующих воздействий, порой не всегда высокого качества [3].

Новое поколение, часто называемое поколением Next, в описании М. Тейлора характеризуется такими чертами, как доминирование потребительского отношения к жизни; приоритет досуговых ориентаций, потребительское отношение к образованию; критическое отношение и недоверие к традиционным ценностям и устоям жизни; примат

личных потребностей перед общественными и несдержанность желаний; высокая степень самоуверенности, убежденности в собственной уникальности, приспособляемости и прагматизма, скептицизма и цинизма, недоверия к авторитетам при дефиците воспитанности и отзывчивости; склонность к риску, причем избирательная; инфантилизм и интеллектуальное равнодушие; неготовность к социальной активности и покорность судьбе; отсутствие навыков построения прочных и близких отношений друг с другом при высоком уровне знания техники и принятия этнокультурного многообразия [3, с. 116].

Многое из перечисленного характерно и для современной российской молодежи, которая социализируется в едином информационном пространстве, насыщенном разнообразной информацией, зачастую низкопробного характера и антигуманистической направленности.

Деградационные процессы, наблюдаемые в молодежной среде современной России, самым непосредственным образом связаны с засильем массовой культуры, образцы которой кардинально отличаются от содержания элитарной, высокой культуры и культуры как таковой вообще [4, с. 59]. Современное общество глобализационного типа предлагает возможности выбора, но этот выбор формируется в условиях господства массовой и потребительской культуры, ценности которой транслируют современные СМИ, оказывая социализирующее воздействие на молодое поколение, погруженное в информационное пространство.

Массовая культура формирует человека массы, не знакомого с ценностями народной культуры, ее образцами и духовным содержанием и ориентирующегося на символы и нормы примитивизированной массовой культуры, порожденной эпохой глобализации. Человек массы, как пишет Г. Маркузе, не отягощен связями с традицией, знаниями о ней, об историческом прошлом своего народа и человечества, не обременяет себя усилиями по формированию обширного круга знаний и ценностей, формирующихся в ходе знакомства с культурным достоянием человечества [5, с. 77].

Для массового человека труд не является высшей ценностью, не содержит в себе потенциала для духовного совершенствования, а отсюда и формулируется учеными проблема под названием «конец труда», того труда, который обеспечивал социальную стабильность и образ жизни, механизмы идентификации и карьерные стратегии [6, с. 22]. Правда, в этом М.Н. Макарова не видит никакой катастрофы и, более того, говорит о переходе труда в иное качество, которое характеризуется более ответственным отношением к нему, более высоким стату-

сом творчества в трудовой деятельности индивида, высокой степенью открытости труда и свободы новых форм труда созидательного типа [6, с. 22].

Мы придерживаемся иной точки зрения, связанной с тем, что трансформация труда как социального института носит амбивалентный характер, проявляющийся, с одной стороны, в открытии новых форм и возможностей для трудовой самореализации в связи с более высокой степенью социальной мобильности труда, не характерной для традиционных форм занятости, но с другой – в дегуманизации сферы труда, с ее прагматизацией, эгоизацией, цинизацией, формированием примитивного отношения к труду, которое сводится сугубо к удовлетворению материальных запросов и потребностей. Последнее обстоятельство не может рассматриваться как позитивное явление, поскольку дегуманизация трудовой сферы и, соответственно, субъектов трудовой деятельности – это путь к дегуманизации всей социальной сферы, и сегодня отчетливо наблюдается полный трагизма антигуманный путь человечества, который неминуемо приведет к деградации человеческой цивилизации даже в том случае, если она не погибнет на этом пути.

Стоит присмотреться повнимательнее к тому, как описывает массового человека или человека массы Х. Ортега-и-Гассет: человека массы представляет собой индивида с низким уровнем культурного развития, низким уровнем образования при высокой самооценке и самоуверенности в собственной самодостаточности с выраженным мифологическим сознанием и превратными представлениями о таких ценностях и понятиях, как свобода, равенства, смысл жизни [4, с. 59].

Одним словом, массовая культура – примитивная культура, и соответственно, в ее лоне формируется примитивный массовый человек, не способный к творческому, ответственному и социально значимому труду. Так о какой позитивной трансформации труда и трудовых ценностей может идти речь, когда основной субъект труда – молодежь превращается в типичную человекомассу, не способную к пониманию того, что такое творчество, ответственность, истинный труд? Сегодня исчезает этическая составляющая профессии и упрощается сам труд, пишет О.В. Аксенова, что ведет к депрофессионализации как отражению девальвации ценностей служения обществу и ответственности перед ним в процессе профессиональной и трудовой деятельности, стремления обладать фундаментальными знаниями в рамках понятия «профессионал» [7, с. 35].

Через труд реализуются все остальные способы человеческой жизнедеятельности, а также удовлетворяются, воспроизводятся по-

требности людей и создаются социальные отношения, а потому «в отношении к труду всегда проявлялось отношение человека к самому себе, другим людям, обществу в целом» [8, с. 262]. Еще в ранний период российской истории, в древнерусской культуре сформировалось боговейное отношение к труду, а в последующем периоде утверждения православной культуры сформировались ключевые принципы отношения к труду, среди которых:

- обязательность труда для каждого человека независимо от занимаемого им статуса и имущественного положения;

- признание только такого труда благим, который совершается не ради удовлетворения эгоистических интересов личности, а ради служения Богу и обществу;

- признание любого труда почетным без разделения на престижные и непрестижные виды трудовой деятельности и свободы выбора труда и профессии;

- принцип благотворительности и милосердия, основанный на понимании того, что богатство есть данное свыше во временное пользование и накладывающее благотворительные обязательства;

- накопление капитала, бережливость и расчетливость не являются добродетелями сами по себе, поскольку направлены на увеличение материального богатства, а связаны с телесным и духовным очищением как отражением традиции потребительского аскетизма [8, с. 263].

В православной традиции отдавался приоритет творческому началу в труде, что сформировало его гедонистическую сущность в том плане, что в трудовой деятельности сам трудовой процесс доставляет удовольствие, радость. Сегодня не часто встретишь человека, получающего истинное удовольствие от труда, и доминирующим мотиватором трудовой деятельности выступает стремление к материальному достатку. Честный труд в современных российских условиях сильно дискредитирован, поскольку с ним ассоциируются бедность, низкий уровень материального благополучия и отсутствие перспектив накопления и богатства, а потому он нуждается в идеологической поддержке на современном этапе.

Отношение к труду, ценность труда в российском обществе отражается в пословицах и поговорках, т. е. заложена в архетипах коллективного бессознательного. Эти архетипы стали предметом социологического анализа в исследовании В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович, в котором ученые пытались выяснить, какие из поговорок в большей степени соответствуют жизненной позиции россиян («Без труда не выловишь и рыбку из пруда», «Работа дураков любит»,

«Труд человека кормит, а лень портит», «Ешь – потей, работай – мерзни»). Полученные результаты показали, что противоположно направленные архетипы, сосуществуя в сознании россиян, образуют диалектически противоречивую систему связей. Так, стремление к интересной и творческой работе сочетается со стремлением к достойному заработку, но при этом каждый третий россиянин не собирается излишне упорствовать, хотя ничего общего с ленью это, как отмечают исследователи, не имеет, так как, если работа доставляет удовольствие, россияне будут «гореть» на работе [8, с. 270–271].

Исследование В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович позволило выявить связь, существующую между общими тенденциями в развитии россиян в контексте уровня их солидарности, отношения к социальной активности, к свободе и отношению к труду, и оценка этой связи была дана негативная, так как рост равнодушия, социальной пассивности и деконсолидированности россиян отрицательно сказался и на их отношении к труду, что соответствует нашим высказываниям о негативном влиянии на молодежь образцов и стилей жизни, транслируемых массовым и потребительским обществом.

Другими словами, формирование трудовых ценностей молодежи обусловлено как микрофакторами (воспитание в семье, ее материальный социальный статус, культурный уровень, социализация в школе, место жительства, дружеское окружение и т. д.), так и макрофакторами, на уровне которых отражаются тенденции общественного развития в сферах культуры, экономики, политики, образования.

Бесспорно, приоритетная роль на стадии первичной социализации, когда только закладываются основы отношения к труду, принадлежит семье, так как именно родительские установки в передаче основных ценностей молодому поколению становятся базисом, на который накладываются ценностные воздействия других агентов социализации. Именно в семье выявляются интересы и склонности ребенка, начинается развитие этих интересов (ребенка отдают в кружки, секции) [9, с. 136], а образ трудовой деятельности родителей, окрашенный определенным отношением к собственному труду, становится своеобразным ориентиром для ребенка. Профессиональный выбор родителей для многих детей становится профессиональным ориентиром.

Однако современные родители в России также стали заложниками сложной и кризисной ситуации в профессионально-трудовой сфере и на рынке труда в целом, а потому, как показало исследование И.П. Поповой, среди ценностей, которые пытались передать своим детям родители в рамках привития определенных профессиональных и

трудовых ориентаций, таким видам, как профессия, призвание, места не нашлось, но при этом акцентируется внимание на ценности образования, правда, в прагматическом ключе – через призму тех благ и выгод, которое оно дает сегодня [9, с. 136]. Родители используют такие эпитеты, как «правильное образование», которое дает возможность достижения высокого социального статуса и карьерного роста, при этом оказывая доминирующую роль в выборе вуза для своего ребенка, зачастую без учета интересов и способностей самого ребенка.

Несамостоятельность в выборе будущей профессии может объясняться как отсутствием явно выраженных интересов, способностей, целей, так и конъюнктурным видением рынка труда родителей, которые определяют профессиональный выбор детей, основываясь на своей большей осведомленности о ситуации на рынке труда.

Поведение родителей в современной России понять можно, поскольку оно продиктовано желанием лучше устроить ребенка, дать ему «правильное образование» и обеспечить хорошую стартовую площадку для дальнейшей трудовой и профессиональной деятельности, и против такой родительской тактики на современном этапе, когда отсутствует система трудовой социализации в школе, элементы профессиональной подготовки школьников к будущей профессии, сложно что-либо предпринять при понимании всей тяжести последствий такой стратегии формирования профессиональных и трудовых стратегий молодежи, определяющих ее жизнь (а не только трудовую деятельность), поскольку труд, как уже было сказано, является той сферой, в которой отражаются все другие виды человеческой жизнедеятельности.

В труде человек проводит значимую часть своего жизненного времени, и есть огромная разница между тем, как проводится это время с любимой профессией, с трудом, доставляющим эстетическое удовольствие и творческую радость, и тем, как проводится время в труде, который воспринимается не иначе как вынужденный.

В этой связи актуализируется проблема формирования трудовых ценностей таким агентом социализации, как школа, который дистанцировался от своей воспитательной функции и тем самым утратил свою воспитательную миссию. Учителя, как пишет Т.А. Хагуров, перестали быть значимыми взрослыми и превратились в поставщиков образовательных услуг, что свидетельствует о разрушении продуктивной системы детско-учительских отношений, которые часто в советской школе компенсировали дисфункции в семье [10]. Честность в труде, любовь к собственному делу, самоотдача в работе и радость от труда – такими ценностями оперировали советские учителя в процессе

обучения школьников, ибо трудовое воспитание и формирование духовно окрашенного отношения к труду выступали важной частью педагогической деятельности в советский период.

Отсутствие единой системы воспитания молодежи на основе единой ценностно-нормативной базы стало источником того, что семья и школа сегодня в России не выступают звеньями единого социализационного процесса. А.В. Меренков совершенно справедливо отмечает, что при переходе к рыночной экономике в России была разрушена апробированная веками и доказавшая свою эффективность система взаимодействия государства и базовых институтов социализации и воспитания [11, с. 102], а без такой системы процесс социализации приобретает неуправляемый характер, не имеющий в своем основании общих целей, задач, ценностей, а потому высокорискогенный как для самой молодежи, так и для всего общества.

В российском обществе традиционной составляющей воспитания молодежи выступало трудовое воспитание, которое практиковалось в семье, когда старшие дети помогали смотреть за младшими, выполняли определенную работу по дому, т. е. были включены в трудовой процесс, причем социально значимый (поскольку такой труд приносил пользу всей семье). Школа также в образовательном процессе значительное внимание уделяла трудовому воспитанию, а сегодня она стала тем местом, где дают полезные знания для того, чтобы перейти на следующий этап образовательной иерархии.

Одним словом, из социализационной системы российского общества при переходе к рыночным отношениям была устранена трудовая составляющая, и во многом поэтому сегодня молодежь демонстрирует преимущественные досуговые практики времяпрепровождения, не связанные никак с трудом. Только 33 % подростков, опрошенных в исследовании А.В. Меренкова, признают, что на их повседневное поведение и жизненные ориентации оказывает влияние семья, низкая эффективность воспитательных усилий которой, по мнению этого же исследователя, связана с отсутствием у современной российской семьи знаний о содержании и особенностях того воспитания, которое соответствует требованиям современной жизни, а потому 55 % опрошенных родителей признаются в невысокой результативности своих воспитательных усилий [11, с. 109]. Удивительно ли, что в данных условиях в стране растет численность наркоманов, случаев суицида, наблюдается рост аморальности и противоправных действий в подростково-молодежной среде?

Итак, можно подвести некоторые итоги. В эпоху глобализации социальные риски становятся столь же глобальными, и к ним, помимо широко известных и обсуждаемых в научном сообществе (речь идет о рисках демографического, экологического и т. д. типа), следует отнести также риски в сфере труда, которые связаны с трансформацией трудовых ценностей, утрачивающих в своей основе необходимое для развития и существования общества духовное начало. Массовизация культуры как проявление процесса глобализации отражается и на массовизации труда, отношение к которому становится таким же примитивным и сводящимся к удовлетворению материальных потребностей, что не может рассматриваться иначе как явная угроза духовному развитию российского общества и мировой цивилизации в целом. Прагматизм трудовых ценностей российской молодежи, граничащий с эгоизмом и примитивизмом, выступает следствием социализации в современной российской реальности, в которой установившийся социальный (рискогенный, несправедливый, в высшей степени нестабильный) порядок весьма благоприятен для трудовой деятельности эгоистично-прагматического типа и, наоборот, неблагоприятен для трудовой деятельности, основанной на принципах социальной значимости и полезности, творческой и духовной инициативы, но, как это ни парадоксально, в сложившейся социальной реальности приобретающей характер риск-деятельности как не соответствующей доминирующей идеологии массового общества.

Литература

1. *Тимербулатова Н.Э.* Жизненные стратегии студенческой молодежи в региональном социуме // *Власть.* 2012. № 6. С. 145–147.
2. *Бергер П., Луман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
3. *Тарасенко Л.В.* Специфика профессиональной социализации личности в условиях обострения социальных противоречий современного российского общества (на примере г. Таганрога) // *Власть.* 2009. № 8. С. 111–114.
4. *Шендрик А.И.* Глобализация в системе культурологических координат // *Знание. Понимание. Умение.* 2005. № 1. С. 59–71.
5. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества: пер. с англ. М., 1994. 368 с.

References

1. *Timerbulatova N.E.* Zhiznennyye strategii studencheskoy molodezhi v regionalnom sotsiуме // *Vlast.* 2012. № 6. S. 145.
2. *Berger P., Luman T.* Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti: Traktat po sotsiologii znaniya. M., 1995. 323 s.
3. *Tarasenko L.V.* Spetsifika professionalnoy sotsializatsii lichnosti v usloviyah obostreniya sotsialnykh protivorechiy sovremennogo rossiyskogo obschestva (na primere g. Taganroga) // *Vlast.* 2009. № 8. S. 111–114.
4. *Shendrik A.I.* Globalizatsiya v sisteme kulturologicheskikh koordinat // *Znanie. Poni-manie. Umenie.* 2005. № 1. S. 59–71.
5. *Markuze G.* Odnomernyy chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrialnogo obschestva: per. s angl. M., 1994. 368 s.

6. Макарова М.Н. Труд в обществе знаний. Образование под вопросом: Стратегии воспроизводства образовательного потенциала в современном обществе. М., 2007. 168 с.

7. Аксенова О.В. К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 12–42.

8. Чупров В.И., Zubok Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М., 2014. 352 с.

9. Попова И.П. Профессиональный выбор: влияние культурных ресурсов семей российских специалистов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 130–140.

10. Хагуров Т.А. Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России // Вестник Института социологии. 2013. № 7. С. 152–181.

11. Меренков А.В. Тенденции изменения семейного воспитания в современном обществе // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 101–110.

6. Makarova M.N. Trud v obschestve znaniy. Obrazovanie pod voprosom: Strategii vosproizvodstva obrazovatel'nogo potentsiala v sovremennom obschestve. M., 2007. 168 s.

7. Aksenova O.V. K problemam metodologii issledovaniya rossiyskogo professionala kak sub'ekta sotsialnogo deystviya // Vestnik Instituta sotsiologii. 2012. № 5. S. 12–42.

8. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A. Otnoshenie k sotsialnoy realnosti v rossiyskom obschestve: sotsiokulturnyy mehanizm formirovaniya i vosproizvodstva. M., 2014. 352 s.

9. Popova I.P. Professionalnyy vyibor: vliyanie kulturnykh resursov semey rossiyskikh spetsialistov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2013. № 11. S. 130–140.

10. Hagurov T.A. Deviatsii, sotsialnyiy kontrol i riski vzrosleniya v sovremennoy Rossii // Vestnik Instituta sotsiologii. 2013. № 7. S. 152–181.

11. Merenkov A.V. Tendentsii izmeneniya semeynogo vospitaniya v sovremennom obschestve // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2013. № 2. S. 101–110.